

СВЕТЛОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД
НА ИСТОРИЮ
ЕВРОПЫ V-XIV ВВ.

Мэтью Гэбриэль
Дэвид М. Перри

Мэтью Гэбриэль

**Светлое Средневековье.
Новый взгляд на историю
Европы V–XIV вв.**

«Питер»

2021

УДК 63.3(4)4
ББК 94(4)

Гэбриэль М.

Светлое Средневековье. Новый взгляд на историю Европы V–XIV вв. / М. Гэбриэль — «Питер», 2021

ISBN 978-5-00116-809-6

Средневековый мир наполнен солнечным светом через витражное стекло. Усыпанные драгоценными камнями золотые реликварии сверкают перед проходящими войсками. Сосуществуют, воюют и торгуют друг с другом люди разных религий и верований. Здесь лучшие мореходы – викинги, а на мировом рынке в особенной цене шелк, специи, благовония, драгоценные металлы, мех, оружие и порабощенные люди. География Средневековья обширна. В то время когда глубоко на севере население занято сжиганием своих погибших в бою правителей вместе с их пока еще живыми рабами в ярком пламени посреди широкого озера, на берегах Средиземного моря, утопая в благоухании от цветения трав, рождаются музыка и изобразительное искусство. Читатель посетит и заглянет во все уголки Светлого Средневековья – от окруженной зеленью Равенны до холодных берегов Аляски, пройдет вместе с караванами по бескрайним равнинам и полноводным рекам и, наконец, составит свое собственное оценочное суждение о почти тысячелетней легендарной эпохе. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 63.3(4)4
ББК 94(4)

ISBN 978-5-00116-809-6

© Гэбриэль М., 2021

© Питер, 2021

Содержание

Введение. Светлые века	7
Глава 1. Звезды над Адриатикой	12
Глава 2. Мозаики нового Рима	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мэтью Гэбриэль, Дэвид М. Перри Светлое Средневековье. Новый взгляд на историю Европы V–XIV вв.

Matthew Gabriele and David M. Perry
The bright Ages. A New History of Medieval Europe

© 2021 by Matthew Gabriele and David M. Perry

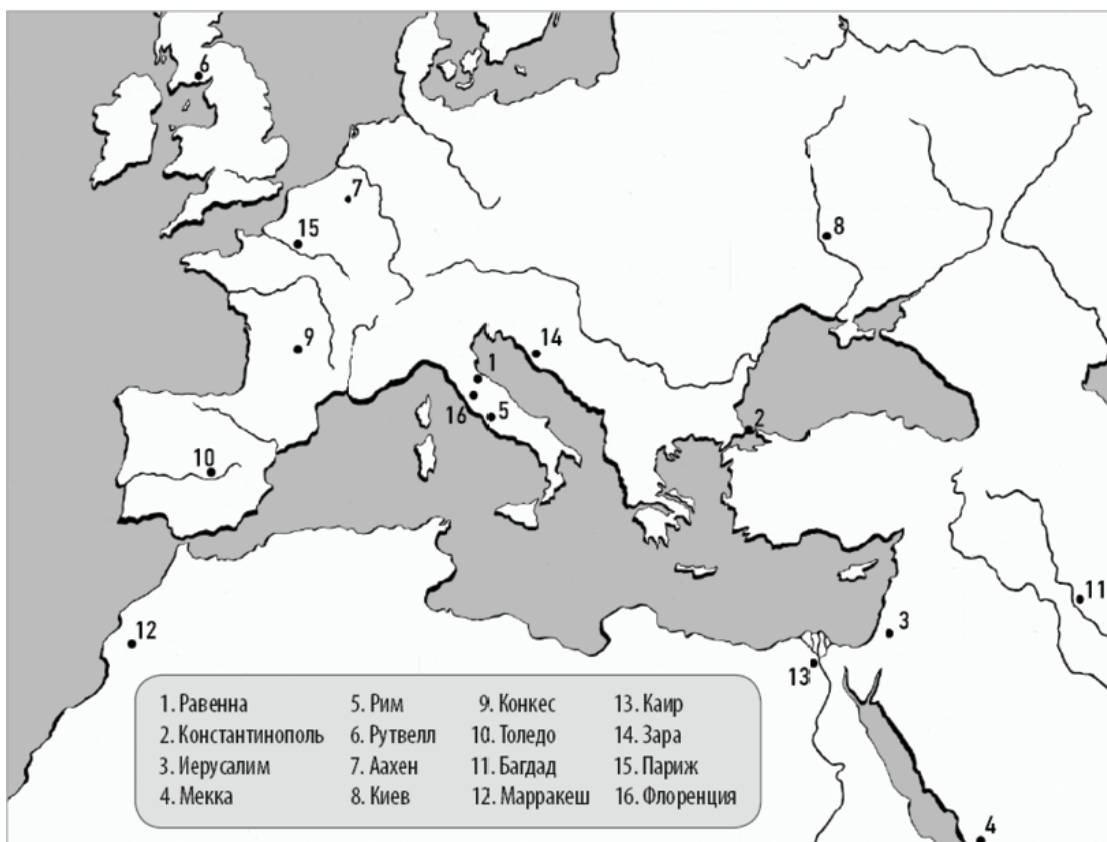
© Перевод на русский язык Питер Класс, 2023

© Издание на русском языке, оформление Питер Класс, 2023

* * *

Посвящается Рейчел, Ули, Шеннон, Нико и Элли, а также всем нашим коллегам, которые трудятся над изгнанием призраков Средневековья и стараются сделать изучение прошлого более справедливым, открытым и доброжелательным

Основные места действия

Составитель карты Джон Уайатт Гринли

Введение. Светлые века

Эта история началась на восточном побережье Италии примерно в 430 году нашей эры. Был ясный, солнечный день. Мастера вошли в небольшую часовню в Равенне и начали работать, постепенно превращая ее своды в голубое небо. Работников пригласила, как мы предполагаем, женщина по имени Галла Плацидия – сестра римского императора, королева вестготов, а затем регентша Западной Римской империи. Набожная христианка, она возводила и восстанавливала церкви в Иерусалиме, Риме и здесь, в Равенне. Она хотела оформить небольшую часовню как усыпальницу, возможно, видя в ней место последнего упокоения для себя или своего сына, который умер во младенчестве. Что там было на самом деле, мы точно не знаем: есть гипотезы, но нет точных ответов. Правда, сохранилось само здание. В свежую известку неизвестные нам художники вдавили тессеры – кусочки смальты трапециевидной формы, наполненные синевой ляпис-лазури. Так потолок превратился в голубое небо. Древние мастера взяли стекло с вкраплениями золота – и на рукотворном небе зажглись звезды. Синие стены украсили белой, желтой и оранжевой смальтой – цветами из Эдемского сада. Технологии создания мозаики были известны с древности, но в этой часовне произошло нечто особенное. Художники, украсившие ее, открыли новую эпоху. Начался процесс трансформации общества, который полностью изменил баланс сил, культурные нормы и представления о смысле человеческого существования.

Прошли века. Но и сейчас эта старинная мозаика все так же отражает свет под разными углами. Почти 1600 лет спустя здесь все мерцает, как сами звезды.

На одной из стен изображен Иисус – добрый пастырь, восседающий среди своей паствы. В более ранних образах обычно подчеркивалась грубая человеческая природа Христа, его изображали с ягненком на плечах. Но здесь овцы стоят поодаль и смотрят на Иисуса, а одна из них тычет носом в его руку. Вероятно, художники искали истину другого рода, и сияющие золотом одежды должны были подчеркнуть божественную сущность Христа, в противовес человеческой, характерной для искусства позднеклассического мира. На другой стене изображен святой перед раскаленной железной решеткой. Возможно, это святой мученик Лаврентий, ныне покровитель поваров. Римляне сожгли его заживо, но он до конца сохранял спокойствие и твердость духа. А может, это святой Винсент – его книги сожгли язычники, а затем и его самого истязали огнем. Как бы то ни было, истории, которые рассказывают нам стены этой часовни, сплетают воедино нити времени, культуры и пространства и подтверждают преемственность традиций.

Начало и конец любой истории произвольны; они обрамляют то, что хочет поведать рассказчик. Мы хотим избавиться от мифа о «темных временах» Средневековья. Эту эпоху мы привыкли воспринимать как смутную, погруженную в полумрак, в ней все противоположно тому, как мы видим современный мир. Но давайте на время забудем традиционные границы между Античностью и Средневековьем: Никейский собор в 325 году н. э., разграбление Рима в 410 году и низложение в 476 году Ромула Августа, «последнего» римского императора на Западе. В нашей культуре принято считать, что Средневековье существовало как некое отдельное явление и имело начало и конец. Ну что ж, пусть так, но мы вовсе не обязаны начинать с упадка, тьмы и смерти. Начнем со светлых и спокойных событий. Конечно, не для того, чтобы забыть о жестоком прошлом и ограничиться простодушной ностальгией. Мы лишь хотим показать, что избранные человечеством пути вовсе не были predetermined заранее. Изменим ракурс, сосредоточимся на людях, о которых обычно не упоминают, рассказывая про эту эпоху. Итак, 430 год, Равенна, часовня.

Средневековье завершится почти через тысячелетие, в 1321 году, в этом же городе, в этом же здании. Прогуливаясь с поэтом Данте Алигьери, мы увидим, что сохранилось в преж-

нем виде и что изменилось. Он черпал вдохновение из этих мозаик, когда облакал в художественные образы свою картину мира. Он мыслит в масштабах Вселенной. Данте был изгнан из родной Флоренции и завершил свой жизненный путь при дворе князя Равенны. Он посетил Венецию, увидел промышленный Арсенал, построенный в начале XII века, и в своей «Божественной комедии» поместил его в Ад. Папам и флорентийцам, как считал Данте, тоже место в аду. Фракционная политика папства и средневековая демократия Флоренции возмущали Данте, и он их проклинал. Но в Равенне, кажется, его до глубины души тронули спокойствие мавзолея Галлы Платидии и величие императорских мозаик Юстиниана и Феодоры в базилике Сан-Витале. Именно здесь, в Равенне, возможно, под сверкающими сводами церкви, построенной за тысячелетие до него, он обрел вдохновение, чтобы завершить «Рай», последнюю книгу «Божественной комедии».

Труд Данте – одно из величайших произведений искусства Средних веков. Это произведение, конечно, прочно связано с эпохой, политическим и культурным контекстом. Но корни «Божественной комедии» – это и более ранняя традиция, тысячелетняя история искусства, культуры и религии. «Божественная комедия» утопает в смерти и мраке, даже когда описывает красоту и свет; восхождение Данте через Ад и Чистилище в Рай завершается видением Бога как чистого сияния. Вероятно, такой же путь должны представлять себе люди, которые смотрят на небо и звезды мозаики в мавзолее Галлы Платидии. Мы видим это так: Средние века начинаются и завершаются надеждой погреться в лучах света.

Конечно, не вся средневековая красота сакральна. Портреты византийских императоров в базилике близ мавзолея Галлы Платидии тоже принадлежат этой эпохе – не только «исторически», но и потому, что в эти портреты встроены многочисленные смыслы. Эти мозаики – символ средиземноморского средневекового мира, который всегда в потоке и которому свойственны проницаемые границы, постоянное движение и культурное смешение повсюду, куда не взгляни.

Мы именно так и смотрим. А еще прислушиваемся к смеси языков, на которых говорят мореходы, неизменному многоязычию Европы, Азии и Северной Африки. Мы видим рынки, где евреи говорят на латыни, христиане – на греческом и все – на арабском. Мы наблюдаем, как на венецианских кораблях везут на продажу кокосы, имбирь и попугаев, и как в конечном счете все это оказывается в портах средневековой Англии. Мы замечаем загорелые лица североафриканцев, которые всегда жили в Британии, а также видим крестьян со Средиземноморского побережья Франции, рассказывающих грязные истории о похотливых священниках, распутных женщинах и обманутых мужьях.

Но все, что имеет начало, должно иметь и конец, иначе не будет ни *medium aevum*, ни «средних веков», ни «средневековья». Мы выбираем в качестве конечной точки XIV век, Данте. Итальянские гуманисты, последовавшие за ним, недвусмысленно отвергали Средневековье и утверждали, что они живут в эпоху обновления, так называемого Возрождения, Ренессанса. Мы могли бы считать концом Средневековья чуть более поздний период XIV века, когда чума опустошила Азию, Европу, Северную Африку и Ближний Восток. Или XV век, когда турки-османы сокрушили восточное Средиземноморье, создав новую империю, простиравшуюся от Индийского океана до городских стен Вены, – империю, которая сражалась с христианами-венецианцами и союзничала с христианами-французами. Некоторые вообще утверждают, что Средневековье завершилось лишь с Французской революцией и падением монархии – то есть в конце XVIII века.

Но все эти версии недостаточно убедительны. Если присмотреться повнимательнее, мы увидим, что итальянцы, включая Данте, – продукт предыдущих времен, весьма «средневековых». Чума пришла потому, что между Азией и Европой существовали постоянные связи, которые устанавливались на протяжении столетий. Турки-османы – этот народ с богатейшей культурой – несли из Персии в Иберию конкурирующие идеи: от Священного Писания до

Аристотеля. Благодаря тюркам по разным регионам распространялись предметы роскоши, философские учения и... бактерии. Французская революция состоялась только потому, что средневековые люди экспериментировали с демократией, пусть и в небольших масштабах, и имели долгую историю антиавторитарных восстаний. Народы, чума, искусство, правительства и войны – все это принадлежит средневековому миру.

Но если все эти события неразрывно связаны с тем, что происходило ранее, почему мы вообще считаем, что были какие-то Средние века? Ведь у истории нет ни отправной, ни конечной точки. Ясно то, что в XIV и XV веках люди, разочарованные политическим хаосом и войнами предыдущей эпохи, решили переосмыслить свой мир и связать его с античностью. Это была попытка порвать с предшествующим тысячелетием. На протяжении XVIII и XIX веков империалистические европейские державы занимались разработкой концепции нового мирового порядка. Интеллектуальная элита, предшественники ученых-медиевистов (и даже иногда – собственно ученые) пытались объяснить, почему белая кожа – современная концепция, хотя и со средневековыми корнями – оправдывает их господство в мире. Они опирались на идею протонаций, учитывая как исторические связи с Грецией и Римом, так и самобытные традиции средневековых государств. Эти мыслители использовали вымысел о Европе, выдуманную концепцию «западной цивилизации» как нить, связывающую воедино современный мир. Глядя вовне, они видели варварство. Вглядываясь в прошлое средневековой и классической Европы, они представляли, что видят такие же белые лица, как у них самих. Но это, конечно, было ошибочное представление.

Для нашего времени Средневековье – это своего рода парадокс. Когда хочется отбросить текущие проблемы в прошлое – исламский терроризм, неудачный опыт борьбы с заболеваемостью COVID-19 или даже процесс получения водительских прав (слишком забюрократизированный), – мы говорим «средневековье». Сторонники превосходства белого человека над остальными, желающие оправдать свою теорию и «узаконить» ее, тоже обращаются к Средним векам и в качестве аргументов называют роскошные золотые артефакты, величественные замки и соборы. Средние века – особая эпоха. Это и хорошее, и плохое время, и ясное, и темное одновременно. Миф о «темных веках», который довольно успешно сохраняется в массовой культуре, дает простор воображению. Еще бы: конечно, в сумерках фантазия может разыграться, сосредоточившись на видимых мелочах и придавая им огромное значение.

Наша история гораздо сложнее.

Светлые века – это красота и свет витражного стекла в высоких сводах собора, кровь и пот его строителей, золотые церковные реликвии, благочестие верующих. Но это также и войны, которые велись за религиозные идеи, и сожжение еретиков. Светлые века – период примерно за тысячу лет до Данте. Европейцы и в эту эпоху жили в условиях переплетения разных культур. Они не ограничивались Европой, они знали о существовании остального мира – большого мира. Люди говорили на разных языках и исповедовали разные религии. Среди верующих было много христиан. Но Европу и Средиземноморье также населяли мусульмане, евреи и многобожники. Все они любили и ненавидели, страдали и мечтали. Многие из них писали о своей жизни, создавали картины и другие произведения искусства. Эти люди оставили после себя материальное наследие, к которому мы можем обратиться и сегодня.

В Светлые века ученые исследовали звезды и планеты, основывали университеты, при этом не отказываясь от веры в высшие силы. Так же, как и сейчас, в то время были люди, которые подавляли свободу других и даже убивали тех, кто от них отличается. Светлые века занимают особое место в истории, поскольку в этой эпохе скрыто все многообразие возможностей, данных человечеству. Однако все это до настоящего времени было нам недоступно из-за предубеждений – мы привыкли говорить о Темных веках. Причем мифы о Средневековье часто создавали и подкрепляли мы сами, историки-медиевисты.

Мы оба, авторы этой книги, – историки, специалисты по западноевропейскому Средневековью. Мы много лет работаем с первоисточниками, проводим собственные исследования. Заняться историей Светлых веков нас сподвигли работы сотен других ученых, которые развенчивали старые мифы, старались создать более полную картину той эпохи. Наши коллеги и учителя, описывая этот исторический период, включили Европу в широкие глобальные системы торговли, религии. Мы узнали о средневековых идеях терпимости, узнали, как формировались представления о расовых различиях и иерархиях. Мы познакомились с проявлениями невероятной красоты и шокирующего невежества. Медиевисты создали, а затем разрушили концепцию феодализма и заменили ее идеей разветвленных родственных связей и иерархии, различной в зависимости от конкретной местности и традиций. Теперь мы стали осведомленнее: знаем гораздо больше о средневековом сексе, насилии, представлениях о гендере, красоте, ненависти, терпимости. Мы знаем, какой была средневековая политика, экономика и многое другое. Медиевисты причастны к созданию концепции Темных веков. Некоторые идеи Средневековья и сегодня используются в агрессивных идеологиях, пропагандирующих ненависть, но медиевисты, к счастью, признают свои ошибки и пытаются их исправить.

Сейчас, в третьем десятилетии XXI столетия, интерес к Средним векам огромен, но мы, историки, не признаём стереотипы об этой эпохе, которыми руководствуется массовая культура. Отчасти массовый интерес к этим временам вызван широким распространением средневековой фэнтези – «Игра престолов», «Викинги» на телеканале *History* или видеоигры вроде *Crusader Kings* и *Assassin's Creed*. Иногда интерес бывает связан с тем, как термином «средневековый» оперируют современные политики. Обычно это слово звучит, когда речь идет о западной цивилизации – «цивилизации белого человека». Иногда символы Средневековья используют ультраправые, помещая их на щитах, на флагах, как это было во время штурма американского Капитолия. Эти же символы можно увидеть на имиджборде массового убийцы из Новой Зеландии. Левые тоже при случае прибегают к этой риторике, называя, например, особо жестокие акты насилия «средневековыми». Это прилагательное используется как эпитет, обозначающий отсталость, нечто архаичное, чему нет места в современности. Да, выражение «темные века» давно уже вертится на языке. Левые и правые оказываются едины в своей оценке прошлого. Они говорят: «Средневековье какое-то!», имея в виду «темные века». Правые ностальгируют по утраченному, а левые выражают таким образом свое отношение к прошлому, которое лучше забыть. На лекции по средневековой истории учащиеся приходят, чтобы узнать побольше о темноте и агрессии. Отчасти это происходит потому, что телевизионные шоу и фильмы претендуют на «подлинное» отображение Средневековья, оправдывая таким образом картины сексизма, насилия и пыток. Никто не упоминает о Средних веках, когда собирается что-то рассказать о терпимости, красоте и любви. Но Средние века, они же Светлые века, включают в себя всё: свет и мрак, человечность и жестокость (а вот драконов, к сожалению, не так уж много).

Мы расскажем новую историю европейского Средневековья. А для начала проследим за путешествиями, хитростями, победами и трагедиями Галлы Плацидии, чтобы переосмыслить V век, отталкиваясь от нетрадиционной предпосылки: Рим не пал.

Все продолжается и все меняется. Политическим центром станет великий город Константинополь, а затем – городские центры новых исламских империй. Иерусалим всегда будет пленять воображение средневекового человека, но завоевывать его так последовательно, как это нам много лет рассказывали историки, никто не будет. Далеко на севере мужчины и женщины будут мечтать и размышлять о природе времени. Численность городов будет снижаться, значимость их будет становиться меньше – люди будут искать новые способы организации политической, экономической и культурной жизни. Основой стабильности станут новые представления о Боге и религии. Эти идеи зажгут пламя в сердцах людей, будут подпитывать развитие и в итоге приведут к расцвету интеллектуальной и литературной жизни. Но этот огонь опалит

тех, кто «отошел от истинной веры». Затем мы увидим, как круг замыкается. Вновь вырастут города. Башни устремятся к небу. Связи между регионами на самом деле никогда не разрывались, но от века к веку становились то сильнее, то слабее. Люди торговали, путешествовали, постоянно обменивались идеями. Так и возникли условия для того, чтобы средневековый итальянский поэт пошел по следам позднеимператорской императрицы. Добро пожаловать в *Светлые века!*

Глава 1. Звезды над Адриатикой

Давайте вернемся в часовню Галлы Плацидии в Равенне. Эта часовня была возведена в V веке и до сих пор считается мавзолеем, хотя никогда не была местом погребения императрицы. О Галле Плацидии сейчас вспоминают редко – сообщают лишь о ее регентстве при малолетнем сыне. Говоря о V веке, чаще уделяют внимание знатым мужчинам и крупным сражениям. Но если мы посмотрим на историю жизни этой женщины иначе, то увидим совсем другое начало европейского Средневековья – в котором Рим не пал.

Небольшое замкнутое пространство мавзолея – это продолжение римской религиозной, художественной, политической и технической культуры в новый период, в начале христианской эпохи. Женщина, для которой был выстроен мавзолей, много путешествовала по Средиземноморью. Она родилась в Константинополе, девочкой переехала в Италию, затем во Францию и Испанию, а после снова в Италию, Константинополь и, наконец, опять в Италию. В 423 году в Равенне она правила всей Западной Римской империей от имени своего маленького сына. Галла Плацидия умерла в 450 году. В этот момент империя была в опасности и переживала бурные перемены. Степень и характер этих опасностей, впрочем, не слишком отличались от того, что уже случалось раньше. В Риме всегда соперничали фракции, всегда существовали внешние угрозы. Это был мир, простиравшийся на тысячи миль, мир, способный рождать красоту, проявлять доброту – но в то же время способный к насилию.

Почему так ярко сияют звезды в мавзолее Галлы Плацидии в этом тихом уголке Равенны? Потому что этот мавзолей оформили гениальные художники. Расположенные близко друг к другу золотые звезды украшают самую высокую часть потолка (свод), а ниже раскинулось второе поле – звезды, напоминающие цветы, которые парят в лазурной синеве стекла. Сияющие красные, золотые и белые узоры переливаются, как в калейдоскопе. Полосы более темных цветов обманывают зрение, заставляя видеть движение в статичном стекле. Стены из сверкающего алебастра усиливают свет – солнечный или от свечей, и само золото на сводах кажется источником света. Приподнятый пол делает зрителя ближе к потолку – это усиливает волшебный эффект. Древние храмы Средиземноморья – как иудейские, так и политеистические – всегда использовали манипуляции со светом и изображением неба, чтобы воздействовать на людей, так было и в христианские времена, во время правления Галлы. Верующие, глядя на убранство храма, видели и чувствовали, как земное соединяется с небесным.

Но какое все это имеет отношение к Риму и империи? Политические, социальные и религиозные потрясения 400-х годов позволили по крайней мере с XIV века, а возможно даже со времен Галлы Плацидии, говорить о падении Рима. В 410 году большая группа солдат, многие из которых были потомками германцев и недавно переселились на римскую территорию, разграбила Рим. В наступление их вел Аларих – полководец и король вестготов. В 476 году военачальник Одоакр сверг Ромула Августа, тогдашнего императора Западной Римской империи, и не потрудились присвоить себе этот титул. Казалось бы, империи на Западе пришел конец. Разорение Рима и свержение Ромула Августа часто представлялись как конец одной эпохи и начало другой. Знаменитый епископ Августин Иппонийский, старший современник Галлы Плацидии, посвятил первую книгу своего колоссального труда «О граде Божьем» описанию бедствий, которые обрушились на Рим в 410 году. Он был уверен в том, что это не вина христиан, и в том, что после разорения Рима многое изменилось. Позже, в XVIII веке, этот нарратив подхватил Эдуард Гиббон в своей «Истории упадка и разрушения Римской империи». Этот нарратив используется и по сей день, хотя и с некоторыми нюансами. С его помощью описывают так называемое падение Рима и начало Темных веков.

Но на самом деле все гораздо сложнее.

В 476 году Одоакр действительно сверг одного римского императора, но затем объявил, что подчиняется другому римскому императору в Константинополе. Таким образом, он в каком-то смысле вновь объединил Восточную и Западную Римские империи под началом единого правителя в Малой Азии. И подобное повторялось неоднократно. На протяжении последующих веков правители Западной Европы подтверждали свою политическую легитимность с помощью связей с Римской империей в Восточном Средиземноморье – империей все еще живой и здравствующей. Обычно о своей «римскости» (*Romanitas*) сообщали сразу несколько правителей, хотя точный характер этих связей мог значительно различаться. Кроме того, даже средневековые народы, не считавшие, что ими управляет римский император, все равно сохраняли эту связь – многое в культурных и социальных нормах христианства восходит к римским традициям.

Более того, Рим продолжал играть важную роль для элит региона, хотя центры власти и переместились в Равенну и Константинополь. Сохранялась идеологическая связь, потребность в политической легитимности, восходящей к легендарным Ромулу и Рему. Город все еще оставался социальным и культурным центром, и представители римской элиты играли важнейшую роль в правительстве и властных структурах. Это возвращает нас к Галле Плацидии и ее мавзолею с куполом из сияющих звезд.

Галла правила Западной Римской империей с 425 по 437 год, пока ее сыну Валентиниану не исполнилось восемнадцать и он сам не стал императором. Политическим центром была Равенна, город, который стал столицей Западной Римской империи только в 402 году, когда сводный брат Галлы, император Гонорий (393–423 гг.¹), перенес ее туда из Милана. Замысел состоял в том, что легкий доступ к Восточному Средиземноморью с побережья Адриатики обеспечит большую сплоченность правителей империи, а болотистая местность вокруг города защитит его от вторжения. В период своего правления Галла, очевидно, построила роскошный храмовый комплекс, от которого до наших дней сохранилась только часовня, в силу традиции называемая мавзолеем. Галла управляла империей из Равенны, но никогда не теряла веры в превосходство Рима. Ближе к концу жизни, году в 450-м, Галла написала письмо своим племяннице и племяннику в Константинополе – императору Феodosию II (416–450 гг.) и его сестре Пульхерии. Галла отчитала их за то, что они пренебрегали религией, и посоветовала объединить усилия, ибо, по ее ощущениям, христианская церковь в Восточном Средиземноморье лежала в руинах. Она утверждала также, что с ней и ее сыном императором Валентинианом III (425–455 гг.) очень любезно обращался римский епископ, папа Лев I (440–461 гг.). Лев встретил Галлу и ее спутников «по прибытии в древний город» и сообщил, что церковные диспуты в Восточном Средиземноморье дестабилизируют обстановку и что поддержка христианства, традиционная для империи со времен Константина, под угрозой. Нужно было что-то делать. Поэтому Галла и написала письмо, которое мы процитировали выше, – в этом письме, по сути, подтверждался ее статус как «самой благочестивой и благоденствующей, вечной Августы и матери», а римский порядок противопоставлялся беспорядкам новомодного Константинополя.

Нужно было прислушаться к епископу Рима (то есть Льву), поскольку святой Петр «первым утвердил первенство [и] получил ключи от Царства Небесного». Галла слегка пожурела своих августейших родственников: «Нам подобает во всем придерживаться должного уважения к этому великому городу, который есть господин всея земли; и мы обязаны самым внимательным образом позаботиться о том, чтобы то, что в прежние времена охраняло наш дом, и сейчас не ущемлялось». То есть в середине V века, спустя десятилетия после разграбления Рима готами, Галла утверждала, что именно Рим – центр христианской религии, старый центр империи. И что Восток должен с большим почтением относиться к старшим на Западе.

¹ Здесь и далее указаны годы правления. – *Примеч. пер.*

Галла Плацидия посетила Рим в 450 году не впервые. За шесть десятилетий своей жизни она бывала там неоднократно. Она была там в 410 году, когда вестготы осадили город, разграбили его, ушли, вернулись, снова разграбили, а затем взяли в плен саму Галлу. Ее собратья-христиане оценивали судьбу Рима по-разному. Отец Церкви Иероним считал, что все очень, очень плохо. В письме неким адресатам из Италии, написанном в окрестностях Иерусалима, в Палестине, он назвал события 410 года бедствием, отметив: «Столица Римской империи охвачена пожаром; и на земле не осталось ни единого уголка, где бы ни укрывались изгнанные римляне».

Другие высказывались более оптимистично. Августин в своем труде «О граде Божьем» отмечал, что это не первый случай, когда на Рим нападают враги. Конечно, у Августина был свой интерес. Он хотел оправдать христианство, ведь в жестокостях 410 года многобожники обвиняли именно эту религию. Поэтому Августин утверждал, что для Рима эти события вряд ли были каким-то необычайным бедствием – и уж точно не катастрофой, которая бы угрожала империи. Августин (позже его поддержал влиятельный ученик Орозий) писал, что целое «облако богов» защищало Рим в языческую эпоху, однако огонь и война не раз опустошали город. Град человеческий (в противовес граду Божьему) всегда был полон раздоров и распрей.

Историки несвободны от контекста своей эпохи, Иероним и Августин – конечно, не исключение. Нам нужно увидеть этот контекст, чтобы понять, что там могло происходить на самом деле. Современникам Иероним представлялся монахом, человеком, который отрекся от мира, чтобы посвятить себя духовной жизни. В середине письма, посвященного тому, стоит или нет дочери его собеседника выходить замуж, Иероним рассказывает о разрушениях, постигших Рим в результате нападения готов. Описывая бедственное положение города, он подталкивает своего друга (получателя письма) к тому, чтобы тот позволил своей дочери стать монахиней. Выбрав такой путь, она сможет защитить себя от сексуального насилия (а еще – принять аскетические идеалы Иеронима). Августин был епископом. В Средние века эта должность была не только духовной, но и административной. Он видел ситуацию гораздо шире, рассматривал каждое событие в контексте священной истории. Но при этом ему было важно, чтобы его паства, состоящая из римлян, не впадала в панику. Все это не значит, что мнение Августина и Иеронима не нужно учитывать. Но нам нельзя ограничиваться богословскими трудами отцов церкви, чтобы оценить взлеты и падения империй. Стоит рассмотреть и другие свидетельства.

Итак, начнем с готов. Кем были эти люди, разграбившие Рим в 410 году? Историю о массовых вторжениях «варваров», возникших из ниоткуда, как и многие другие истории о крахе, в котором виновны внешние силы, нужно рассматривать в более широком контексте, учитывая состояние тогдашнего общества, массовую миграцию и сопутствующие ей перемены. Германцы и другие народы Северной и Восточной Европы, а также Северо-Западной и Центральной Азии пересекали границы Римской империи в обоих направлениях на протяжении столетий. Иногда они являлись как захватчики, иногда присоединялись к союзным войскам, часто приходили как торговые партнеры, а также (особенно с конца 300-х годов) как беженцы. В 370-х годах, когда большая группа готов проникла в Восточную Европу (в основном в римскую провинцию Фракия на Балканах), разразился голод. Римские чиновники, которые были обязаны помогать беженцам, вместо этого загоняли их в лагеря и практически не кормили. Порой готам приходилось продавать в рабство собственных детей в обмен на собачье мясо, просто чтобы выжить (об этом свидетельствует историк Аммиан Марцеллин).

Если это правда, то неудивительно, что готы при первой же возможности решили дать отпор. Легко понять, почему за этим последовала жестокая война. Одно из самых известных событий той войны – битва при Адрианополе 378 года, в ходе которой, к всеобщему удивлению, готы победили и даже убили римского императора Валента. Не менее значим и последовавший за этой войной мир. Готы заключили соглашение с преемником Валента, императором Феодосием I, и массово расселились по всей Юго-Восточной Европе. За пару поколений они

фактически стали римлянами и даже служили в римских легионах по всей империи. Но тут снова вмешалась борьба за власть в самой Римской империи. Она-то и привела готов, которых мы теперь называем «западными», или «вестготами», под предводительством Алариха в Италию, заставив выступить против Западной Римской империи.

Военные и дипломатические подвиги, а также ошибки, союзы, предательства, которые привели к трем осадам и в конечном счете к завоеванию Рима в 410 году, – всё это легенды. Аларих сражался с полководцем Стилихоном (наполовину германцем по происхождению), который возглавлял войска, составлявшие основную часть римской армии. Позже Аларих вступил в союз со Стилихоном. Император Гонорий I (брат Галлы Плацидии) казнил Стилихона, его сына и семьи многих его солдат. Уцелевшие римские солдаты бежали, примкнули к Алариху, сделав его армию непобедимой. Но даже осадив Рим, вестготский генерал продолжал добиваться мира.

Дело было не в том, что Аларих не рассчитывал на победу. Напротив, он, вероятно, боялся, что победит. Не факт, что он хотел такого завершения войны. Этот гот возглавлял армию, которая состояла из романизированных германских народов. И он вполне мог считать, что стоит в тени римских военачальников прошлого, которые в разное время сталкивались с мощнейшим табу – запретом на ввод войск в священный город. Иными словами, Аларих вообще-то считал себя *римлянином*. Он хотел восстановить союз с великой империей и возглавить ее.

Но поход продолжился, и Аларих в итоге одержал победу – разграбил Рим. Галла Плацидия на протяжении всей войны оставалась в своей резиденции, играя важную роль в обороне города. Именно Галла разрушила союз императора Гонория с генералом Стилихоном, когда обвинила (скорее всего, это была клевета) Серену, жену Стилихона и свою двоюродную сестру, в сговоре с готами, а затем задушила ее. Галла всегда была важным действующим лицом, полноправной силой, с которой нужно считаться.

Она пережила первое разграбление города в 410 году. Затем Аларих умер своей смертью, и новый предводитель готов Атаульф (411–415), видимо, вернулся в Рим и взял Галлу Плацидию в плен. Вскоре Атаульф покинул Италию и направился в южную Францию, а затем через Пиренеи в Иберию. В 414 году Галла и Атаульф поженились. Невеста была одета в шелка, а в качестве свадебного подарка он преподнес ей трофеи из Рима.

Конечно, легко отвлечься на отношения Галлы Плацидии с влиятельными мужчинами и посчитать, что она была всего лишь пешкой. К примеру, мы не можем знать, добровольно ли она вышла замуж за Атаульфа. Однако дипломатические браки были обычным явлением для римской элиты тех времен, а учитывая то, какую роль Галла сыграла в низвержении Стилихона, сложно утверждать, что она стремилась завершить войну с готами раз и навсегда. Но мы можем точно сказать, что этот брак не свидетельствует о разрушении Римской империи. Скорее он подтверждает готовность римлян вступать в союзы с германскими «завоевателями», стремление объединить режим, узаконенный завоеванием, с наследием имперского правления.

Иордан, константинопольский чиновник и гот по происхождению (снова заметим, что германцы, работающие на Римскую империю, тогда были нормой), так описал в 550 году эту свадьбу: «Атаульфа пленило ее [Галлы Плацидии] благородство, красота и целомудренная чистота, поэтому он взял ее в жены законным браком на Форуме Юлия в городе Эмилия. Когда варвары узнали об этом союзе, они пришли в еще больший ужас, поскольку Империя и готы теперь, казалось, стали единым целым». Заявление Иордана о готско-римском союзе на основании одного этого брака, возможно, было преувеличением: войны на итальянском полуострове на протяжении дальнейших столетий не прекращались. Однако сам факт такого заявления ясно свидетельствует о том, что чиновники в восточном Средиземноморье вовсе не воспринимали переселение германских народов как признак краха империи. Самые разные группы людей приходили в Римскую империю в поисках высоких должностей и общественного

статуса. Часто они сохраняли элементы собственной идентичности, но при этом чувствовали себя римлянами.

Брак Галлы с Атаульфом был недолгим. Они переехали в Испанию, начали создавать новое римское государство, у них родился сын по имени Феодосий – таким образом, сын короля получил римское имперское имя. Но Феодосий умер во младенчестве от естественных причин и был похоронен в серебряном гробу в церкви у стен Барселоны. Уже в следующем году Атаульф погиб – его убил в ванной разгневанный слуга. Брат Атаульфа Сигерик, желая избавиться от соперников, приказал Галле покинуть Барселону и Испанию. Но и сам прожил недолго – его убил другой вестгот по имени Валлия. Затем Валлия договорился о перемирии с Римом, одним из условий было возвращение Галлы в Италию. Она действительно вернулась и в 417 году вновь вышла замуж – за самого влиятельного полководца Западной империи Констанция. Вскоре у них родились дети – дочь Гонория и сын Валентиниан. К 421 году дела Галлы, казалось, снова пошли в гору: Констанций стал соправителем императора Гонория, ее брата.

Но скоро все закончилось. В том же году Констанций III умер своей смертью.

После смерти мужа Галлы император Гонорий вернул себе полную власть. Он с подозрением относился к своей влиятельной сестре и вынудил Галлу бежать из Италии вместе с детьми. Она отправилась на восток и на несколько лет укрылась в Константинополе. Но fortuna скоро вновь улыбнулась ей: Галла с триумфом вернулась в Равенну в 425 году. Брат ее умер, а враги были повержены – над ними взял верх ее племянник, император Восточной Римской империи Феодосий II. Валентиниан, сын Галлы, которому тогда было всего шесть лет, был провозглашен Августом Западной Римской империи перед Римским сенатом. Это случилось в том числе потому, что Галла заключила договор с полководцем Флавием Аэцием, популярным среди германских народов империи, и объявила его главнокомандующим войсками Запада (*magister militum*). Затем Галла поселилась в Равенне и правила как регентша в течение следующих двенадцати лет.

Все эти годы она искусно вела переговоры как на Востоке, так и на Западе. Короли, генералы, братья, двоюродные братья – все пали, а Галла Пластиция устояла и в конечном итоге увидела, как ее сын стал правителем – императором Валентинианом III. Можно сказать, что в начале V века сама Галла стала символом римской преемственности. Но кроме политических талантов у нее были и другие; сохранившиеся источники указывают на то, что она лично занималась проектированием храмовых мозаик; отдельные сохранившиеся письма свидетельствуют о богословском образовании Галлы, глубоких знаниях, которые позволяли ей уверенно дискутировать с епископами, монахами и императорами о божественной и человеческой природе Иисуса и о роли Девы Марии.

В 450 году Галла и ее сын, император, отправились в Рим на встречу с папой Львом. Путешествие прошло как обычно, без происшествий, но после него Галла заболела и умерла. Она была погребена в соборе Святого Петра в Риме. Но незадолго до своей кончины Галла успела совершить еще кое-что. В соборе Святого Петра прямо перед своей смертью она перезахоронила своего маленького сына Феодосия – младенца, который умер очень давно, еще когда она жила в Испании. Как его тело попало в Рим, остается загадкой. Отправила ли она кого-то за маленьким серебряным гробиком? Или все эти годы оплакивала своего давно умершего сына и везде возила этот гробик с собой? Маленькую часовню в Равенне она, возможно, заказала не для себя и не для мощей святых, а для того, чтобы похоронить там своего потерянного сына. Но передумала, оказавшись перед смертью в Риме.

В истории Галлы видна история самой Римской империи. Новые народы сливались с уже существовавшими, старые идеи объединялись с новыми, подготавливая почву для наступающей эпохи. Новая форма верховной власти, в которой правители подтверждали свою легитимность с помощью тесных связей с христианскими лидерами, стала нормой для всего Средиземноморья и большей части Галлии (позже эти земли станут королевством франков и в

конечном счете Францией). В регион приходили новые народы, которые вступали в союзы с римской верховной властью, римской элитой и перенимали римские традиции. По мере распространения христианства территория поделилась на административные регионы в соответствии с римскими бюрократическими нормами. Члены религиозных орденов, монахи читали и копировали латинские тексты и создавали собственные. Словом, Римская империя эволюционировала, но продолжала существовать – на практике, а также в сердцах и умах правителей западной и средиземноморской Европы.

Рим изменился, но перемены сопровождали его на всем протяжении истории – с самого начала. Политические центры многократно перемещались. Административные территории дробились, объединялись и снова дробились. Идея того, что Рим пал, основывается на концепции однородности, на исторической статичности. Эта идея предполагает, что существовало некое централизованное протосовременное национальное государство, которое гораздо больше напоминает Британскую империю XVIII века, чем любую античную реальность. Гиббон считал, что грубая страстность раннего христианства (как он ее воспринимал) разрушила Рим и привела безупречную стабильную империю к краху. Но Гиббон был расстроен потрясениями Французской революции. Любая страстность, как он полагал, опасна. Он мечтал о целомудренной Италии, которую представлял себе, глядя на руины Рима и Равенны как путешественник-дилетант. Как только Рим приспособился к новым реалиям меняющегося европейского и средиземноморского мира, для Гиббона он «перестал существовать». Германцы не могли быть *настоящими* римлянами, женщины не могли *по-настоящему* править и т. д. Но, как мы с вами увидели, самих римлян в то время подобные сценарии особенно не смущали. Новые группы добровольно пополняли население империи. Как и в прежние века, войны заканчивались массовым порабощением людей – их насильно отправляли на рынки рабов, и таким образом они рассеивались по всей империи. Рим пережил 69 год н. э., год четырех императоров, хаос начала III века, разделение на Восточную и Западную империи в 280-х годах, укрепление Константинополя в IV веке и, наконец, бурную эпоху Галлы Плацидии. Да, все изменилось. Но все всегда меняется – этот процесс неостановим.

Стоя в небольшой часовне Галлы в Равенне, сложно воспринимать позднеримское христианство исключительно как эпоху опасных страстей. Христиане вершили разгромы и убийства. Сама Галла наверняка ответственна за тысячи смертей. Но христиане еще и возводили великолепные строения, освещенные сиянием звезд. Галла Плацидия заказала для своей укомной часовни в Равенне массивный золотой канделябр со своим портретом в центре. На канделябре была надпись: «Я приготовлю лампаду для своего Христа». Этот свет мы увидим в храмах будущего тысячелетия – он отражается от стен Багдада и льется через роскошное окно-розу собора в Шартре. Пожары, подобные римскому в 410 году, случались снова и снова, но мастера продолжали творить – украшали своды храмов звездами повсюду, где люди могли найти хоть немного покоя.

Спустя сорок лет после разграбления Рима Аларихом и его армией Галла по-прежнему называла Рим «владычицей земли» и часто туда возвращалась – даже когда ее власть расплывалась на все Средиземноморье. Ни крестьяне, ни иностранцы, занимавшие в Риме крупные посты в этом столетии – как и в последующих, – не свидетельствовали о крахе империи. Тело Галлы Плацидии пролежало еще по меньшей мере тысячу лет в простом саркофаге в соборе Святого Петра рядом с серебряным гробиком ее первенца. Своего ребенка, умершего во младенчестве, она привезла на покой домой – в Рим.

Глава 2. Мозаики нового Рима

Примерно через девяносто лет после того, как Галла Плацидия упокоилась рядом со своим маленьким сыном, римляне вернулись в Равенну. Но эти были не те римляне, что прежде. Армия прибыла из нового Рима на Востоке – Константинополя – и взяла западную столицу в осаду. Генерал по имени Велизарий возглавил завоевательный поход императора Юстиниана (527–565 гг.) в Северную Африку. Осада Равенны приближала полное завоевание Италии Восточной Римской империей. Десятилетия, последовавшие за эпохой Галлы Плацидии, оказались неблагоприятными для Италии: разные римские правители сражались между собой, и новые волны вторжений сводили на нет эффективность императорского управления. Рим снова разграбили в 455 г., на этот раз вандалы. Затем новая группа завоевателей-остготов (отделившихся от готов, о которых речь шла в предыдущей главе) взяла под контроль большую часть полуострова и укрепила свою власть при короле Теодорихе в начале 490-х годов.

Как и другие романизированные чужеземцы, Теодорих считал полезным связать свой режим с имперским прошлым Рима. В целом он поддерживал хорошие отношения с Константинополем. Италия при остготах в начале VI века сохраняла римские правительственные учреждения и поэтому, возможно, была более «римской» – с точки зрения искусства, политики и многого другого, – чем другие регионы, которые находились непосредственно под управлением императора Восточной Римской империи. Пожалуй, для начала VI века преемственность более характерна, чем перемены. Тем не менее после смерти Теодориха между остготами разгорелись династические споры (хотя справедливости ради отметим, что в раннем Средневековье преемственность вообще редко бывала прочной). Король, захвативший власть, казнил дочь Теодориха. В 530-х годах император Юстиниан использовал эту казнь как предлог, чтобы отправить своего генерала «освободить» Италию. Рим выстоял как факт и как культура, однако в новой политической реальности полуостров лишился центра, и власть переместилась в новый Рим – далеко на востоке, заняв дворец с видом на Босфор. Когда Велизарий расположился у стен Равенны, Италию уже почти полностью отвоевали. Горожане Равенны были деморализованы. Пожар, причиной которого по разным предположениям стала измена, махинации Велизария или случайный удар молнии, уничтожил склады с зерном. Горожане знали, что скоро начнется голод и они не смогут долго продержаться. Готская армия, способная прийти на помощь, только спускалась с Альп и не успевала вовремя. А еще многие жители города ощущали родство с восточными римлянами и, казалось, были готовы выступить против своего правителя – короля остготов Витигеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.